

МАТЕРИАЛЫ ПЕРВОГО МАДЖАРСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА (ЧАСТЬ 2)

Нарожный Евгений Иванович

доктор исторических наук
НАО «Наследие Кубани», Краснодар

Аннотация. В предлагаемом обзоре рассматривается содержание сборника материалов «Первого Маджарского научного форума». Остановившись кратко на общей характеристике статей, составляющих этот сборник материалов, автор параллельно высказывает некоторые замечания и пожелания, связанные с теми или иными материалами. Тем не менее, оцениваются они позитивно как важное и весьма значимое событие в научной жизни не только кавказоведов, но и тех, кто занимается и интересуется историей и археологией Золотой Орды и одного из самых крупных золотоордынских городов в регионе – г. Маджары.

Ключевые слова: Золотая Орда, городская культура, кочевники Золотой Орды, Маджары, погребальные памятники, мавзолеи Маджара.

THE MATERIALS OF THE FIRST MAJAR ARCHEOLOGICAL FORUM (PART 2)

Narozhnyi Evgenyi Ivanovich

doctor of history sciences
NAO «Nasledie Kubani», Krasnodar

Abstract. This review is considers the content of the collection of materials of «First Majar scientific forum». Stopping briefly on the content of articles, composing this collection of material, author in parallel gives some remarks and wishes connected with this of that materials. This publication is estimated as positive and important and as very significant event in scientific live of not only caucasiologists, but also of those who are participate or just interested in history and archeology of the Golden Horde and of the one of the biggest Golden Horde city in the region – Majar. In this review is mentioned and some disputable questions, connected with the attribution of some materials as well as the perspectives of the its further research.

Keywords: The Golden Horde, the city culture, nomads of the Golden Horde, Majar, funerary monuments, mausoleums of the Majar.

.....

Первый Маджарский научный форум во время своей работы собрал специалистов разного научного профиля и был посвящен итогам более чем 200-летнего научного интереса к остаткам одного из наиболее крупных золотоордынских центров Северного Кавказа. Это научное мероприятие его организаторами: директором краеведческого музея сел. Прасковья (Ставропольский край) Ю.Д. Обуховым и директором Пятигорского краеведческого музея, канд. истор. наук С.Н. Савенко, был приурочен к двум памятным датам – 270-летию начала научного изучения археологического памятника федерального значения: «Маджарское городище» и 10-летию открытия краеведческого музея в селе Прасковья Будённовского района Ставропольского края. Форум собрал 30 специалистов (археологи, историки, антропологи, палеозоологи, специалисты в области охраны памятников истории и культуры, музейные работники), представлявших 19 городов и населённых пунктов России – Буденновск, Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки, Минеральные Воды, Ставрополь, Армавир, Нальчик, Азов, Элисту, Волгоград, Саратов, Казань, Тверь, Кашин, Санкт-Петербург, Москву, Симферополь, сел. Прасковью, сел. Селитренное (12 регионов страны). Всего было заслушано 26 докладов и сообщений, посвященных различным аспектам изучения Маджарского городища XIII – нач. XV вв. Став важным научным событием, форум был подкреплён и выходом, уже после его окончания, сборника материалов, обзор которого предпринят ниже.

.....

Продолжая обзор сборника материалов научного «Маджарского форума» [1]¹, начнем его с обзора главы 2: «Золотоордынский город Маджар – административный, торгово-ремесленный и культурный центр Северного Кавказа». Открывается она большой и содержательной статьей А.Г. Юрченко (*г. Санкт-Петербург, изд-во «Евразия»*): город «Маджар как одна из ордынских столиц времени правления хана Узбека» [1, с. 57-73]. Исследователь фактически присоединяется к давнему (2002 г.) мнению М.В. Горелика, уже назвавшего Маджары «столицей Золотой Орды на Северном Кавказе». А.Г. Юрченко свои размышления начинает с обзора проблемы: «кочевники и города», которая его многими предшественниками рассматривалась весьма противоречиво. В отличие от них, А.Г. Юрченко полагает, что в ходе завоевательной кампании 1230-х гг., да и гораздо позднее, «города на завоеванных территориях монголов не интересовали, разве что как объекты хищнической дани. Не интересовали монголов города и позже», – подчеркивает он [1, с. 57]. Мнение это отчасти созвучно точкам зрения других авторов XX столетия, среди которых наиболее концентрированно оно было сформулировано проф. МГУ Г.А. Фёдоровым-Давыдовым [2, с. 29, прим. 11].

А.Г. Юрченко акцентирует особое внимание и на хорошо известных фактах захватов и полного разорения чингисидскими отрядами городов Восточной Европы, когда такие города были, в буквальном смысле, стерты с лица земли. «Вероятно», – пишет он, – «происходило это именно тогда, когда «при осаде были убиты Чингизиды», приводя тому некоторые примеры и факты, убедительно подтверждающие его гипотезу [1, с. 57]. Но насколько такая причинно-следственная связь была реальной? Впрочем, отчасти созвучным можно назвать и некоторые наблюдения, высказанные в рамках интересных рассуждений Н.Н. Крадина по поводу «монгольской глобализации». Справедливо подчеркивая, что «злу и насилию», проявленному в ходе завоевательной кампа-

¹ Продолжение. Начало обзора см.: [3, с. 8-17].

нии Чингисидов, «не может быть никаких оправданий», исследователь считает, что «далеко не всегда именно монголы были виноваты в тех или иных разрушениях средневековых цивилизаций XIII-XIV вв.», также указывая на самые разные причины и факторы подобных разрушений [4, с. 18].² Средневековые же очевидцы и современники тех самых событий, описывая военную экспансию Чингисидов XIII в. в пределы Восточной Европы, включая и Северный Кавказ, основную (главную- ? – Е.Н.) причину драматических погромов той эпохи видели в одном: в ходе противостояния этой военной кампании народы Евразии осмелились поставить «ногу повиновения за черту сопротивления». Ничем не оправданная, чрезмерно жестокая экспансия завоевателей особенно заметно бросается в глаза при знакомстве с конкретными, например, археологическими материалами, иллюстрирующими раскопки разрушенных или захваченных городов. В особенности наглядны коллективные захоронения, выявленные, например, только при раскопках в Десятинной церкви города Киева и на прилегающей к ней территории [5, с. 59-72; 6, с. 73-82]. На Северном Кавказе интересующие нас события А.А. Иессен, в свое время, иллюстрировал ссылкой на появление там множества разрушенных городищ, сопровождавшихся десятками появившихся именно в это время могильников, особенно в пределах территории, которую многие современные авторы очерчивают как зону обитания средневековых не только тюрок, но и «адыго-черкесов», т.е., в границах тех территорий, где разгрому монголов (конец 1230-х гг.) подверглась обширная область, на которой был убит и тамошний (местный) «государь по имени

² Археологические раскопки на территории средневековой Руси в свое время позволили выявить основные типы «монголо-татарских наконечников стрел», использовавшихся при длительных осадах и разрушениях таких городов [7, с. 55-60; 8, с. 62-71]. Правда сегодня, некоторые авторы отмечают, что среди археологических находок на территории древнерусских городищ, как и наличие там следов пожарищ, не всегда и везде обязательно увязывать только с монголо-татарскими вторжениями [9, с. 29-37; 10, с. 83-98]. Эти точки зрения необходимо учитывать [11].

Тукара». При этом о боевых потерях монголов ничего не сообщается. Как известно, на Северном Кавказе наиболее драматичным событием стала лаконично описанная источниками длительная (полтора месяца) осада, завершившаяся взятием столицы Алании. Однако и в этом случае нет даже намека на какие-то значимые потери монголов, хотя они, вероятно, были. Город, несмотря на разные версии о возможной его локализации в регионе (обзор версий см.: [12. с. 1-34]), после разгрома больше так и не возродился. На территории одного из наиболее вероятных претендентов на роль исторического Магаса – Алхан-Калинском городище - ныне известны лишь единичные находки золотоордынского времени, представленные подъемным материалом [13, с. 525- 542], наглядно иллюстрирующим историю этого городища в XIII-XIV вв. После разгрома оно приходит в запустение, со временем превращаясь в место кратковременных остановок и стоянок. Оставшееся в живых население не только Алхан-Калинского городища (Магаса), но и прилегающих к нему других и синхронных городищ, было сконцентрировано на территории, как минимум, трех, новообразованных поселений «открытого типа» (т.е., без каких-либо фортификационных укреплений) [14, с. 11-13; 15, с. 942]. На примере городища Нижний Джулат (КБР), при взятии которого о каких-либо потерях Чингисидов, мы также ничего не знаем, но, после его захвата, что хорошо демонстрирует стратиграфический разрез фортификационных сооружений: его внешний вал был скрыт и засыпан окружавший его ров. Сделано это было почти сразу после захвата этого городища [16, с. 211, рис. 16; 17, с. 229-236; 18, с. 9-11]. Перед этим, наверное, с его населением Чингисиды поступили так же, как и с защитниками многих других городских (и не только городских) центров Восточной Европы, оказавших сколько-нибудь серьезное сопротивление завоевателям. Отсутствие следов какой-либо фортификации на покоренных, или на территории новопостроенных городах Золотой Орды, что, впрочем, отмечено и на примере «центральноазиатских (монгольских) горо-

дов», как считают специалисты - «характерная особенность» эпохи [17, с. 232]. Впрочем, восстановление вала и постройка на нем стен (из сырцового кирпича в сочетании с деревянными конструкциями), опоясывавших Нижний Джулат, произошла только в начальный период «великой замятни» [18, с. 9-11], когда началась череда обособлений отдельных, мелких владельцев, «отгораживавшихся» внутри еще недавно единого государства [17, с. 232].

В своей статье А.Г.Юрченко не менее справедливо обращает внимание и на еще одну специфику города Маджара, выразившуюся в «конфессиональной разнообразии» его населения. Однако помимо ссылки А.Г. Юрченко на статистику «учтенных» Э.Д. Зиливинской «45-ти мавзолеев»³ [1, с. 70], на городище было также несколько мечетей; а ибн-Баттута называет здесь существование некоего «скита» и наличия представителей разных категорий мусульманского населения. По сведениям других авторов, бывавших уже на развалинах Маджара (XVIII-XX вв.), в разное время на городище было зафиксировано множество различных типов мусульманских захоронений, а также – каменных надгробий над ними. Известны отсюда, на чем А.Г. Юрченко так же акцентирует внимание, и разнообразные христианские артефакты: В.А. Городцов упоминал находки железных крестов, «по размерам приблизительно таких, какие у нас употребляются при богослужении» [22, с. 168]. Известны также свидетельства местных крестьян о существовании на городище еще в нач. XX века, якобы, развалин церкви с находками в ней золотой церковной утвари [22, с. 174; 16, с. 126]. Существование христианской церкви на Маджарах подтверждает и русская летопись, повествующая о маршруте траурного кортежа с телом убиенного в Золотой Орде

³ Это количество мавзолеев определено Э.Д. Зиливинской на основании подсчетов изображений таких памятников на т.н. «визуальных» (по ее классификации) источниках [19, с.107. с.181]. в данном случае более адекватно подобные источники рассматривать в качестве «изобразительных», как их вполне справедливо квалифицируют другие авторы [20; 21].

М.Я. Тверского.⁴ Тот же источник сообщает и о запрете властями города желая, проявленного участниками кортежа, провести отпевание убитого князя в маджарской церкви. И.В. Волковым опубликована часть каменной плиты с армянской надписью из Маджара, которая, как полагает он, могла быть частью архитектурного декора армяно-григорианской церкви или же церкви, которая могла обслуживать духовные запросы как православных прихожан Маджара, так и прихожан города армяно-григорианской конфессии [23, с. 213-214]. С территории Маджара происходят и две створки, возможно, от одного и того же энколпиона южно-русского происхождения [24, с. 281-282; 25, с. 124, рис. 45,1, с. 126] и иконка с изображением Богоматери [26, с. 400-407; 27, с. 501-504], которую упомянул и А.Г. Юрченко. Подобное религиозное разнообразие, – подчеркивает исследователь, было характерно для ордынских столиц [1, с. 70]. Но в сравнении с другими северокавказскими городищами и, в первую очередь, с Верхним Джулатом (Дедяковым, Татартупом), тогда роль Маджара в конфессиональном приоритете несколько меркнет. На Верхнем Джулате, если обращаться к его культовым памятникам, тогда и это городище следует рассматривать в качестве еще одного претендента на роль еще одного, также «столичного» (?), или же конфессионального центра Золотой Орды? Находясь на важном стратегическом направлении - в приграничье Золотой Орды с владениями Хулагуидов, с вассально зависимыми от них территориями Закавказья, Верхний Джулат значительно уступает Маджарам как по площади занимаемой им территории, так и по количеству известных здесь мечетей: на городище их известно только две. Минарет третьей мечети (?) упоминался в описаниях, примерно в 6-ти верстах выше городища по течению Терека [28, с. 66-86; 29, с. 13-25]. Менее вариабельны типы мусульманских захоро-

⁴ Ныне, как это убедительно доказал В.Б. Виноградов, место этих трагических событий надежно локализуется на территории современной Ингушетии на «р. Аджь, аки речеца Горесть» – совр. р. Ачалуки, где князь и принял мученическую смерть «за други своя».

нений на этом городище [28, с. 66-86; 29, с. 16-34]. Однако христианских храмов на этом городище было открыто пять! [30, с. 48-65; 31, с. 132-146; 32, с. 47-90], сопровождавшихся и христианскими захоронениями [30, с. 48-65; 31, с. 132-146; 32, с. 47-90; 33, с. 87-106]. Любопытно, что и Нижний Джулат, по тем же самым критериям, тоже мог бы претендовать на роль такого же, но несколько менее значимого «центра», на что указывает наличие здесь мечети⁵ и минарета, а также мусульманских захоронений [34, с. 201-211; 35, с. 138-159; 19, с. 118-145]. Собственно христианских памятников отсюда не известно за исключением находки одного железного креста «византийско-кавказского типа» [36, с. 202-206].⁶

Интересны и другие публикации рассматриваемого нами сборника. Вслед за упомянутой статьей А.Г. Юрченко помещена публикация д-ра истор. наук Э.Д. Зиливинской (*г. Москва, Институт этнологии и антропологии РАН*): «Рисунки маджарских мавзолеев из Государственного Русского музея» [1, с. 74-78]. Несмотря на то, что эта работы уже, как минимум, дважды уже публиковалась до этого в других сборниках, рассматриваемые Э.Д. Зиливинской рисунки с видами мавзолеев Маджара и его окрестностей, датированные «1782 г.», весьма интересны с разных точек зрения [1, с. 74]. Эти иллюстрации художника М.М. Иванова представлены четырьмя рисунками (альбом в Русском музее), «выполненные сепией и акварелью», судя по сопровождающим их подписям, демонстрируют остатки нескольких архитектурных строений в разных уголках широкой округи г. Маджара, еще сохранявшиеся в 1780-е годы. Один

⁵ Под полом мечети находилось и специально оформленное погребальное сооружение, в литературе обычно называемое, как и в других случаях [37, с.257] «склепом-мавзолеем» [34, с. 201-211; 35, с. 138-159; 19, с. 118-145], что не совсем корректно. Как на это уже указывалось в литературе [38, с. 160-175], в таких случаях, в качестве «мавзолея» необходимо воспринимать собственно мечеть, а это не соответствует действительности.

⁶ В свое время И.М. Мизиев показывал и фото створки бронзового энколпиона отсюда, но фото так и не было опубликовано.

объект: «От крепости Егорьевской в 45 верстах к Мажарам»; второй: «На Масловом Куте от Егорьевской крепости в 45 верстах к Мажарам», а также – вид «Реки Байвала вдали от Мажар». Э.Д. Зиливинская справедливо полагает: рисунки были выполнены «рукой мастера и прекрасно передают романтическую атмосферу древних развалин». Однако, помимо такого «романтизма» художника, наверное, могли быть и какие-то другие причины и побудительные мотивы, заставившие художника выбрать именно эти виды в разных уголках руин бывшего Маджара, в его время начинавшего частично уже застраиваться несколькими российскими населенными пунктами. Возможно, что среди таких мотивов могли быть и сугубо прагматические интересы некоторых представителей части местного населения этой территории, представители которой не только сопровождали художника по развалинам Маджара, показывая ему остатки былого величия золотоордынского города. Они могли познакомить его и некоторыми современными легендами, связанными уже со ставропольскими селами и станицами, к этому времени существовавшими здесь. Краевед-исследователь – Г.Н. Прозрителев, неоднократно обращавший внимание не только губернской общественности к остаткам золотоордынского города, регулярно выступал против «варварского обращения» местных «жителей с этими развалинами и делаемыми находками». Активно популяризировал он и сведения о Маджарах, непременно «разбавляя» их и легендами российских первопоселенцев, среди которых как известно было и несколько преданий о территории, на которой впоследствии возникло село «Кавказский Усвят», со временем переименованное в «Бургон-Маджары». «Нынешнее название села Бургон-Маджары», – писал ставропольский автор, – якобы, дано было «еще Екатериною II», которой, по тем же устным версиям, доставлялось прекрасное вино, производившееся уже в то время русскими жителями» этих окрестностей. Из-за своего качества, вино это сравнивалось с «бургундским», отчего, по той же легенде, якобы, и произошло название Бур-

гон-Маджара [39, с. 2]. Насколько версия реальна, утверждать сложно. Однако, Екатерина II, судя по документу с ее автографом 1768 г., часть сведений в котором была списана ею из исторических сочинений В.Н. Татищева [40, с. 18-25], сообщала и о развалинах Маджара. Может все это в комплексе и мотивировало художника Иванова не только в его появлении на развалинах некогда цветущего золотоордынского города, но и в зарисовке уже последних, но еще сохранявшихся его архитектурных развалин, тем самым «усиливая» впечатления от красивых легенд?

Очередная статья сборника – статья О.В. Лопан (*г. Москва, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва*) вводит в научный оборот: «Новые находки металлических зеркал с Маджарского городища» [1, с. 79-89], в разное время собранных на городище местными жителями. Коллекция эта не только дает представление о значительном разнообразии этой категории археологического материала, в свое время использовавшегося в повседневной жизни разноэтничными «маджарцами». Публикуемая подборка зеркал значительно дополняет все ранее известные упоминания о подобных находках на Маджарах, встречающиеся у дореволюционных и более поздних исследователей.

Е.И. Нарожный совместно с Ф.Б. Нарожной (*г. Краснодар, НАО «Наследие Кубани»*) пишут «Ещё раз о находках золотых делийских динаров на Маджарах», вновь возвращаясь к вопросу о возможной исторической трактовке находок золотых делийских динаров с этого городища, полагая по-прежнему, что основной причиной их притока сюда была, все же, не столько «торговля лошадьми», как настаивают многие из предшественников, а разница в стоимости серебра и золота в Золотой Орде и на указанные монеты, купцы из Индии могли покупать слитки относительно серебра, на которое в Индии был периодический спрос и более высокие, чем в Золотой Орде цены [1, с. 90-94]. Определенный интерес представляют и последующие две статьи сборника – публикация канд.

биол. наук А.Е. Швырёвой (*г. Ставрополь, Ставропольской государственной музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе*): «Реконструкция модели стада домашних животных древнего города Маджары» [1, с. 95-97] и созвучная ей работа канд. истор. наук Л.В. Яворской (*г. Москва, ИА РАН*): «Методические аспекты изучения остеологических материалов из городских поселений, на примере городища Маджары» [1, с. 98-104]. Оба автора, опираются на имевшиеся в их распоряжении кости животных из разновременных раскопок и сборов на городище и анализируют видовой состав животных этого золотоордынского города. В работе канд. биолог. наук А.А. Евтеева (*г. Москва, НИИ и музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова*) «Краниологическая серия из Маджарского городища» [1, с. 105-124], предпринята очередная попытка анализа и сопоставления антропологических материалов из нескольких погребений Маджара (раскопки Э.Д. Зиливинской) с такими же материалами с территории других золотоордынских городищ. Полученные «результаты, – пишет А.А. Евтеев, – надо признать, полностью подтверждают выводы В.П. Алексеева (1974 г.)» о том, что роль местного антропологического элемента в этой выборке, остается по-прежнему неясной» [1, с. 106]. Ссылаясь на мнение своего коллеги – С.Г. Комарова, на тех же материалах из Маджара получившего «интересные результаты, сблизив мужскую серию черепов группы с таковыми сериями из Старого Орхея (Молдова – Е.Н.), Миздахкана (Узбекистан-Е.Н.), Мамай-Сурка (Запорожье – Е.Н.) и Маячного бугра» (Астраханская обл. – Е.Н.) из кластера золотоордынского городского населения» [1, с. 106]. Апеллирует А.А. Евтеев и к некоторым выводам «М.М. Герасимовой (2014)», сравнивая их со своими наблюдениями». Определяя степень сходства или различия в этой сравнительной характеристике черепов «маджарцев» с черепами представителей ряда северокавказских обитателей, он, в конечном итоге делает вполне ожидаемое заключение: «подтверждается мнение В.П. Алексеева о неучастии населения Маджар в этногенезе

народов» Северного Кавказа [1, с. 106-197]. Вывод, представляется, совершенно справедливым, особенно, если реально оценивать достоверность безапелляционных предположений XVIII в. об обитании на Маджарах «ингушоф» (ингушей) или с «некими маджарскими скифами», которых сегодня пытаются идентифицировать с «маджарскими аланами» (?) [19, с. 17].⁷ Впрочем, такой вывод вполне правомерен и в отношении предков современных балкарцев и карачаевцев, о чем повествует ряд фольклорных преданий не только дигорцев, но и представителей указанных тюркоязычных обитателей региона, якобы, «вышедших из Маджара» [41, с.160-180]. Но этот сюжет, если и реалистичен, то связан он с более поздним временем [42, с. 14-28].

Статья В.А. Бабенко (г. Ставрополь, ООО «Наследие»: «Округа золотоордынского города Маджара (к постановке проблемы выделения границ)» [1, с. 125-129], по видимости является развернутым изложением одного из его докладов, достаточно позитивно оцененного А.Г. Юрченко в его, выше отмечавшейся статье. Действительно, попытка использования позитивного опыта Л.Ф. Недашковского на этот счет [43], [37], заслуживает самого пристального внимания и изучения возможностей применения его к другим регионам Золотой Орды. Ныне, вполне успешно это и пытается сделать В.А. Бабенко. Однако, применительно к Маджарам, вероятно, все-таки следует учитывать и ранее высказанную точку зрения Э.В. Ртвеладзе, также выделившего широкую, но – сугубо «сельскохозяйственную округу» вокруг этого памятника [44].

Д.Г. Полковский (г. Ессентуки, ООО «НИИ Севкавархеология») публикует некоторые архивные «Материалы из раскопок золотоордынских мавзолеев в районе г. Ессентуки 1963 и 1971 годов (Т.Б. Палимпсестова и А. П. Рунич)» [1, с. 130-135]. Его «коллега по цеху» – С.Я. Бе-

⁷ Отождествление с аланами, предложенное Э.Д. Зиливинской представляется надуманным и не учитывающим, например, традицию, заложенную еще А. Лызловым в его «Скифской истории».

резин вводит в научный оборот «Новую гончарную печь эпохи Золотой Орды из окрестностей города Новопавловска Ставропольского края» [1, с. 136-138]. Автор справедливо связывает ее с округой некогда существовавшего здесь не только курганного могильника [45], но и крупного бытового памятника эпохи Золотой Орды [1, с. 138], по всей вероятности, представлявших собой единый «Новопавловский археологический комплекс» [46, с. 68-73]. К сожалению, С.Я. Березин не представил фрагменты керамики, находившиеся внутри камеры печи, хотя и сильно фрагментированные, но все-таки дающие хотя бы общие представления об ассортименте керамической продукции, обжигавшейся здесь. С этим же комплексом, насколько мне известно, было связано и два мусульманских (?) захоронения; одно – сильно разрушенное; второе погребение было устроено в яме, «подводящей» к топке печи. По-крайней мере, эти материалы демонстрируют специфику гибели данного комплекса.

Канд. истор. наук И.В. Волков (*г. Москва, Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва*) вводит в научный оборот коллекцию поливной и неполивной «Керамики золотоордынского города Маджар» [1, с. 139-222]. На сегодняшний день эта работа наиболее полно демонстрирует керамический материал с Маджара, что качественнее отличается от такой же презентации керамики Маджарского городища, недавно предложенной Э.Д. Зиливинской [19].

Рассмотренный раздел материалов форума – наиболее репрезентативен, позволяя судить о различных сторонах жизни золотоордынского города Маджара, о его ремеслах, погребальных сооружениях и пр. Однако те же самые материалы наглядно демонстрируют и очевидную потребность в археологическом изучении остатков этого крупнейшего памятника Золотой Орды на Северном Кавказе.

Список использованных источников

1. Материалы Первого Маджарского форума. (Пятигорск – Будённовск – 2012 год) // «Археология евразийских степей». Выпуск 23. Казань: Издат. дом «Казанская недвижимость» – Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. 308 с.
2. Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973. 190 с.
3. Нарожный Е.И. Материалы Первого Маджарского археологического форума (часть 1) // Теория и практика актуальных исследований. Материалы XVIII междунар. науч.-практ. конф. (29 марта 2018 г.). Краснодар, 2017. С. 8-17.
4. Крадин Н.Н. Восточная Европа и монгольская глобализация // *Stratum plus*. Нашествие. Пределы катастрофы XIII века. СПб., Одесса, Кишинев, Бухарест, 2016. № 5. С. 7-27.
5. Ивакин Г.Ю., Комар А.В. После катастрофы: Киев в 1241 г. // *Stratum plus*. Нашествие. Пределы катастрофы XIII века. СПб., Одесса, Кишинев, Бухарест, 2016. № 5. С. 59-72.
6. Козак А.Д. Коллективное погребение возле Десятинной церкви: тафономия и палеопатология // *Stratum plus*. Нашествие. Пределы катастрофы XIII века. СПб., Одесса, Кишинев, Бухарест, 2016. № 5. С. 73-82.
7. Медведев А.Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. 1966. № 2. С. 55-60.
8. Сытый Ю.Н., Скороход В.Н. Находки предметов вооружения как свидетельство погромов городищ в селах Выползов и Шестовица (к постановке проблемы) // *Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья*. Тула: «Куликово поле», 2014. С. 62-71.
9. Kamińska M. Archeologiczne Świadectwa najazdów Mongolskich na miasta ruskie w XIII-XIV w.: rzeczywistość a stereotypy historiograficzne // *Colloquia Russica, Seriy 1. Vol. 3: Ruswepoce najazdow mongolskich (1223-1480). Materiały II I Międzynarodowej konferencji naukowej (Warszawa, 15-17 listopada 2012 r.)*. Krakow, 2013. S. 29- 37.
10. Черненко Е.В. Чернигов и нашествие монголов в свете археологических исследований // *Stratum plus*. 2016. № 5. СПб., Одесса, Кишинев, Бухарест, С. 83-98.
11. Нарожный Е.И. «Нашествие и пределы катастрофы XIII века» в оценках современных отечественных и зарубежных исследователей (*Stratum plus*, 2016. № 5. Санкт-Петербург – Одесса – Кишинев – Бухарест, 395 с.) // *Золотоордынское обозрение*. Казань, 2017.
12. Нарожный Е.И. Локализация города Магаса «продолжает оставаться дискуссионной, а возможно, и никогда окончательно не решенной» // *APRIORI*. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 4. [Элек-

- тронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.apriori-journal.ru/seria1/4-2016/Narozhnyj.pdf>
13. Нарожный Е.И. О находках золотоордынского времени с территории Алхан-Калинского городища (Чечня) // Древности Юга России. Сборник памяти А.Г. Атавина. М.: ИА РАН, 2008. С. 525-542.
 14. Нарожный Е.И. К изучению бытовых памятников Среднего течения р. Сунжа // Тезисы докладов 3-й Зональной Северокавказской Олимпиады по археологии и краеведению / под ред. В.Б. Виноградова. Грозный: ЧИГУ, 1991. С. 11-13.
 15. Нарожный Е.И. Самашкинское поселение XIII-XIV вв. (Ачхой-Мартановский район Чечни) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения. 1971-2006 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 942.
 16. Чеченов И.М. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г. // УЗ КБНИИ. Серия историческая. Т. XXV. Нальчик, 1967. С. 192-227.
 17. Фёдоров-Давыдов Г.А. Монгольское завоевание и Золотая Орда // Археология СССР в 20-ти томах. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 229-236.
 18. Мамаев Х.М., Нарожный Е.И. Из истории русско-северокавказских военных контактов в XIII-XIV вв. // Итоги и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом: Тезисы докладов / под ред. В.Б. Виноградова. Грозный: ЧИГУ, 1990. С. 9-11.
 19. Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов северного Кавказа. Автор научного проекта Э.Д. Зиливинская. Нальчик: КБИГИ, 2015. 184 с.
 20. Виноградов В.Б., Чернова (Хлудова) Л.Н. История Кубани в отечественном и зарубежном изобразительном искусстве. Учебный вспомогательно-справочный материал. Армавир: АГПИ, 1995. 60 с.
 21. Хлудова Л.Н. История Кубани в произведениях живописи и графики (XV в. – 60 гг. XIX вв.). Армавир, 2014. 160 с.
 22. Городцов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин Маджар в 1907 г. // Труды четырнадцатого Археологического съезда в Чернигове. 1909 г. Т. III. / под ред. П.С. Уваровой. М., 1911. С. 162-208.
 23. Волков И.В. Хачкар с городища Маджары // Историко-археологический альманах. Армавир, М., 1996. Вып. 2. С. 213-214.
 24. Ртвеладзе Э.В. Крест-энколпион // СА. 1965. № 2. С. 281-282.
 25. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1987. 170 с.
 26. Обухов Ю.Д. Иконка с изображением Богоматери с Маджарского городища // Донские древности. Вып.10: Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Матер. IV междунар. конф., посвящ. памяти проф. МГУ. Г.А. Федорову-Давыдову (30 сентября – 3 октября 2008 г., г. Азов). Азов: АКМ, 2009. С. 400-407.

27. Обухов Ю.Д., Полубояринова М.Д. Иконка с изображением Богоматери с Маджарского городища // Великий Новгород и средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию В.Л. Янина. М.: «Памятники исторической мысли», 2009. С. 501-504.
28. Милорадович О.В. Средневековые мечети городища Верхний Джулат // МИА № 114: Средневековые памятники Северной Осетии. М.: Наука, 1963. С. 66-86.
29. Фидаров Р.Ф. Мусульманские погребения алан XIII-XIV вв. с могильников Верхнего Джулата // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2004. № 1. С. 16-34.
30. Крупнов Е.И. Христианский храм XII века на городище Верхний Джулат // МИА № 114: Средневековые памятники Северной Осетии. М.: Наука, 1963. С. 48-65.
31. Кузнецов В.А. Эльхотовские Ворота в X-XV вв. Владикавказ, 2003. 180 с.
32. Кузнецов В.А. Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик: КБИГИ, 2014. 160 с.
33. Милорадович О.В. Христианский могильник на городище верхний Джулат // МИА № 114: Средневековые памятники Северной Осетии. М.: Наука, 1963. С. 87-106.
34. Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д. Мечеть городища Нижний Джулат // Древности Северного Кавказа. М.: ИА РАН, 1999. С. 201-211.
35. Зиливинская Э.Д., Чеченов И.М. Подземный склеп на городище Нижний Джулат // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М.: ИА РАН, 2004. С. 138-159.
36. Ложкин М.Н., Малахов С.Н. Железные кресты византийско-кавказского типа из Отрадненского музея // Историко-археологический альманах. Армавир, Краснодар, М., 1995. С. 202-206.
37. Зиливинская Э.Д. Мавзолеи западных районов золотой Орды // Крымское историческое обозрение. 2014. № 1. С. 256-281.
38. Нарожный Е.И. Из истории изучения золотоордынских владений Северного Кавказа // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Матер. междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвящ. памяти М.А. Усманова (Казань, 29-30 марта 2011 г.). Казань: ИИ АН РТ, 2011. С. 160-175.
39. Прозрителев Г.Н. Развалины древнего хозарского города Маджар близ сел. Прасковья Ставропольской губ. на р. Куме. Ставрополь: Типография губернского правления, 1910. С. 1-24.
40. Нарожный Е.И. В.Н. Татищев и Екатерина II: первые шаги в изучении средневековых памятников Северного Кавказа // Известия СО-ИГСИ. 2017. Вып. 24 (63). С. 18-25.
41. Батчаев В.М. «Мы пришли из Маджар»: факт или вымысел? // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск, 1988. С. 160-180.

42. Нарожный Е.И. Новый вариант версии тюркизации предков современных балкарцев (по поводу двух публикаций В.М. Батчаева) // История и культура народов Северного Кавказа. Сб. науч. тр. Вып. 8. Пятигорск, 2007. С. 14-28.
43. Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Вост. лит., 2010. 351 с.
44. Ртвеладзе Э.В. Из истории городской культуры Северного Кавказа и ее взаимодействия со Средней Азией в XIII-XIV вв. Автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1975. 25 с.
45. Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новопавловский могильник XIV в. в системе евразийских древностей (МИА Северного Кавказа. Вып. 7) / под ред. С.Н. Савенко. Армавир, Ставрополь, 2007. 190 с.
46. Нарожный Е.И. Новопавловский археологический комплекс золотоордынского времени на Ставрополье (Некоторые итоги и перспективы изучения) // Вестник Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ. Научный ежегодник. Армавир. 2014. № 11. С. 68-73.